

ВЫРУБИЛ ДЕРЕВО — ВЫСОХ РОДНИК

Если уж в европейской части страны исчезла тайга, если на европейском Севере тундра сроднилась с лесостепью, значит, наши возможности ограничены, но мы этого не хотим признать, когда речь идет о наших потребностях. Мы тут эгоисты. Мы живем за счет будущего, за счет наших внуков. Никто из нас на Земле не имеет права пользоваться тем, что не сотворено его руками, его трудом. Самое страшное то, что в борьбе за сохранение окружающей среды мы, писатели, находимся не на равных с технократами, у которых и власть, и средства массовой информации. Вспомним хотя бы как до недавнего прошлого, а точнее — до апрельского Пленума ЦК КПСС, технократам вообще удавалось накладывать табу почти на все экологические темы. Нельзя, презрев трезвость и мудрость, заниматься только тем, что осваивать народные средства. Слово-то какое — «осваивать». В результате мы хвастаемся, когда у нас появляется самый крупный карьер, самая большая обогатительная фабрика, самый крупный стан, самый крупный экскаватор. И всякий раз мы убеждались, что в таком максимализме больше самоцели, нежели оптимального подхода. Хотим мы того или нет, а придется человечеству вернуться к парусу и ветряку. Мне иногда говорят, что я не специалист в частных вопросах. А я ведь всегда в частности ссылаюсь на специали-

Василий Белов

тов. Однако меня куда больше волнуют не частности, а проблемы общего характера, волнует судьба человека, нации, планеты. Доказано, что американцы потребляют больше кислорода на душу населения, чем производит его природа. Это несправедливо. Европа создает громадный жизненный потенциал. Ввозит много кормов из Африки. В Европе нет дефицита продуктов. А где-то в других странах голодают, умирают от жажды. Самоограничение наших желаний связано с самосовершенствованием, которое целиком зависит от нравственных установок личности. Самоограничение сначала личное, затем — государственное, планетарное. Другого не дано. Преступно забывать, что каждое дерево — это и воздух, и вода. Вырубил дерево — высох родник. Высок родник — исчезло село. Мы строим атомные станции, а до сих пор не разрешена еще проблема уничтожения радиоактивных отходов. Ведь не надо быть специалистом, чтобы с убежденностью сказать, где бы энергетики ни прятали зловещие атомные отходы, рано или поздно от них радиоактивными будут земля и вода. Когда я говорю, что плотины на реках наносят ущерб Родине, мне отвечают: люди нуждаются в электроэнергии. Но больше всего энергии пожирает вооружение. Немалая часть пресной воды превращается в отраву — как на Байкале, на Севане, на Биве. И больше всего потерь было за последнее десятилетие.

Фото В. ШАТКОВА.